

«НАШЕ ВСЁ»: ПУШКИН И НЕ ТОЛЬКО

OLGA I. SEVERSKAYA

"OUR EVERYTHING": PUSHKIN AND NOT ONLY HIM

В статье рассматривается семантика идиомы *наше всё*, вошедшей в русское культурно-языковое сознание и речь как рефлекс высказывания А. Григорьева: «Пушкин — наше всё». Исследование, проведенное корпусным методом с использованием приемов социокультурного, лингвокультурологического и контекстно-семантического анализа на базе Национального корпуса русского языка (с учетом данных Основного, Газетных корпусов, корпуса Социальные сети), позволило выявить спектр значений идиомы и определить модели ее структурной трансформации. Исследовав тексты XVIII–XIX вв., автор обнаруживает устойчивые сочетания *наше всё*, *наш весь*, *наша вся X* в синтаксической функции определения предмета речи и высказывает предположение, что они могли послужить прообразом идиомы в ее предикативном значении, которое впервые было зафиксировано в афоризме А. Григорьева. В статье освещается история исследования семантики идиомы, обращается внимание на ее лексикографическую фиксацию, анализируются рефлекс идиомы в разных типах современного дискурса (художественной литературе, публицистике, социальных сетях, мемах и демотиваторах, интернет-фольклоре). Сделан вывод о том, что все эти рефлекс так или иначе связаны с пушкинским мифом и акцентированными первоисточателем концептами «Россия», «народ», «душа», «литература», «язык», «речь», «гениальность», «гордость», «необходимость». Контекстно-семантический анализ позволил выделить значения «Пушкин», «гений», «выдающийся талант», «нечто важное, значительное, существенное для говорящего», которые связаны с идиомой *наше всё* сегодня. Анализируются структурные трансформации идиомы, самыми распространенными среди которых становятся «Пушкин — наше X» и «X — наше всё».

Ключевые слова: Пушкин, пушкинский миф, интернет-фольклор, «наше всё», идиоматика, структурно-семантические трансформации, приращение смыслов в контексте, корпусный анализ.

The article examines the semantics of the idiom *nashe vsyo* ('our everything'), which entered the Russian cultural and linguistic consciousness and speech as a reflex of the Apollon A. Grigoriev's statement: "Pushkin is our everything". The study, conducted on the basis of the Russian National Corpus (taking into account the data of the Main, Newspaper and the Social networks Corpuses) by the corpus method using the techniques of socio-cultural, linguistic and contextual-semantic analysis, allowed the author to identify the range of meanings of the idiom and determine the models of its structural transformation. Having studied the texts of the 18th-19th centuries, the author discovers stable combinations *nashe vsyo*, *nash ves*, *nashe vsyo X* in the syntactic function of defining the subject of speech and suggests that they could serve as a prototype of the idiom in its predicative meaning, which was first recorded in the Grigoriev's aphorism. The history of the study of the semantics of the idiom is highlighted,

Ольга Игоревна Северская

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

► oseverskaya@yandex.ru

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Российская Федерация, 119019,
Москва, ул. Волхонка, 18/2

Olga I. Severskaya

PhD in Philology, Leading Researcher

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of
the Russian Academy of Sciences,
18/2, ul. Volkhonka, Moscow, 119019,
Russian Federation

attention is drawn to its lexicographic fixation. The article analyzes the reflexes of the idiom in different types of modern discourse (fiction, journalism, social networks, memes and demotivators, Internet folklore). The author comes to the conclusion that all these reflexes are somehow connected with the Pushkin myth and the concepts of “Russia”, “people”, “soul”, “literature”, “language”, “speech”, “genius”, “pride”, “necessity” emphasized by Grigoriev as a first narrator. Contextual-semantic analysis allowed to identify the meanings of “Pushkin”, “genius”, “outstanding talent”, “something important, significant, essential for the speaker”, which are connected with the idiom *nashe vsyo* ‘our everything’ today. The author also analyzes the structural and semantic transformations of the idiom, the most common of which are “Pushkin is our X” and “X is our everything”.

Keywords: Pushkin, Pushkin myth, Internet folklore, *nashe vsyo* (‘our everything’), idioms, structural-semantic transformations, increase in meanings in context, corpus analysis.

Введение

«А Пушкин — наше всё». С легкого пера поэта и критика Аполлона Григорьева «наше всё» в 1859 г. вошло и в культурно-языковое сознание, и в речь, превратившись в идиому (или, можно даже сказать, в мем [Кудимова 2019: 13]). В языке значение идиомы тесно связано с пушкинским мифом, который имеет достаточно давнюю историю изучения как в культурологии и литературоведении, так и в лингвистике.

Отмечается особое положение этого мифа, который «врастает» в национальное сознание на уровне архетипической схемы и в форме «культурного героя времени» [Виролайнен 1994: 329]. Акцент делается и на его чрезвычайной емкости — концептуальное пространство мифа включает не только Пушкина, но и его друзей-поэтов, литературные институты и общества золотого века русской поэзии, а также исторические персонажи пушкинской поры [Gasparov, Hughes, Rappero 1992: 9]. Анализируется социокультурная функция пушкинского мифа в конце XX в., его рецепция разными поколениями читателей [Загидуллина 2001; Строганов 2007]. Интерес представляет предложение разграничить пушкинский миф и культ как соответственно «историческую память, так или иначе воплощенную в тропах (образах и мифологемах)», и «почитание, не спрашивающее о причинах, заведомо коленопреклоненное» [Шеметова 2010: 201].

Исследователи анализируют и воплощения образа Пушкина в Рунете и приходят к выводу: «пушкинский миф <...> поддерживается и транслируется с опорой на традиционные, давно сформировавшиеся в массовом сознании представления о значении Пушкина в русской культуре, с одной стороны, и актуальные для современного потребителя интернет-контента формы и образы — с другой, обновляясь и оставаясь востребованным» [Абрамова, Архангельская 2023: 93]. Изучается бытование в интернет-среде мифологизированной идиомы *наше всё*: она «свидетельствует о национальной самоидентификации, которая определяется через обращение к Пушкину» [Абрамова, Архангельская 2023: 102] и является в некотором смысле знаковой для нашего времени.

На данном этапе *цель* видится в анализе языковых рефлексов крылатых слов А. Григорьева, их семантического развития и одновременно в восстановлении по контекстам значений идиомы *наше всё*, соотносимой как с Пушкиным и его наследием, так и с другими именуемыми таким образом лицами и сущностями.

Исследование было выполнено *корпусным методом* на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) с применением приемов социокультурного, лингвокультурологического и контекстно-семантического анализа. На базе Основного, Устного, Поэтического, Газетных корпусов и корпуса Социальные сети было выделено в общей сложности 1445 примеров употребления коллокации *наше всё* в разные периоды языкового развития, в том числе примеры раннего ее использования, которое, по всей вероятности, и мотивировало ее идиоматизацию в созданном А. Григорьевым афоризме.

«Наше всё» в русском языке как символ нерасторжимого единства

Начиная с XVIII в. сочетание *наше всё* встречается в функции комплексного определения при существительном, обозначающем нечто, с чем тесно связан говорящий, чем он, как и подобные ему, обладает или частью чего является.

Например, у В.К. Третьяковского: *Придает величий и красы лицу чело, Кое, как пристойно, выгибом так и круглó. Буде б посредине нос не был, то б явилось Плоско **наше всё** лице, тем бы осрамилось...* (В.К. Третьяковский, «Феоптия», 1750–1754). Речь здесь о лице как таковом, в совокупности всех его черт, рассматриваемых в целом, а не по отдельности, при этом о лицах всех тех, с кем себя отождествляет говорящий.

Есть подобные примеры и в прозе: *Когда отворится нам к вечности дверь: тогда уже в разуме нашем возсияет полное познание Божества. <...> Тогда же и сердце **наше всё** наполнится несозданныя доброты сладостию* (архиепископ Платон (Левшин), «Слово в день введения во храм Пресвятыя Богородицы», 1764). Сочетание двух местоимений подчеркивает, что речь о чем-то, явленном во всей полноте.

При этом объединяются местоимения не только среднего рода: ***Наше всё** войско приблизилось к самому городу, и мы остановились по левую сторону дороги близ горы в самом негодном месте, где все нечистоты из Парижа вывозили* (А.К. Карпов, «Записки», 1831), но и мужского: *зело желаю, чтоб **наш весь** народ прямо узнал, что Господь Бог прошедшею войною и заключением сего мира нам зделал* (А.М. Макаров (ред.), «Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого)», 1698–1721); *Корпус **наш весь** собрался на биваки, зажгли костры, и тут-то начались рассуждения, споры и догадки* (Р.М. Зотов, «Рассказы о походах 1812 года», 1836), и женского: *Неприятель спокойно остался в селении Павловичи, а армия **наша вся** расположилась биваками* (Ф.В. Самарин, «Дневник», 1812); *Наконец явился новый главнокомандующий генерал Кутузов, объехал все войска и осмотрел их, по утру заметили, что стали делать укрепления и 23 числа весь день приготавливали батареи, а 24 числа было авангардное сражение, в котором однако была почти **наша вся** армия в деле. <...> Бывшая при нас пехота потянулась вправо от дороги, а мы сошлись с нашей гвардией, тут собралась **наша вся** рота в одно место и еще несколько рот артиллерийских сзади нас примкнули... <...> при том не в дальнем расстоянии шла **наша вся** пехота...* (А.К. Карпов, «Записки», 1831)

и т. п. Без потери смысла можно было бы использовать конструкцию *наше (наш, наша) X* или *всё наше (весь наш, вся наша) X*. Однако избирается указание на нерасчленимое единство принадлежности и исчерпывающей полноты X, с которым идентифицирует себя говорящий.

Подобное словоупотребление можно найти и у Пушкина: *Добро **наше всё** было уложено в старую комендантскую повозку* («Капитанская дочка», 1836). Кажется, автору важнее подчеркнуть полную и безоговорочную принадлежность добра героям — всего, до последней вещички, ставшего частью их существа, чем указать на завершенность его погрузки в полном объеме (ср.: ***всё** наше добро было уложено*).

Так и в афоризме А. Григорьева Пушкин определяется как *наше всё*, образ *полный и цельный*: «Пушкин-то и есть наша такая, на первый раз очерком, но *полно и цельно* обозначившаяся душевная физиономия, физиономия, выделившаяся, вырезавшаяся уже ясно из круга других народных, типовых физиономий, — обособившаяся сознательно именно вследствие того, что уже вступила в круг их» [Григорьев 1990: 57]. Кроме того, Пушкин, по справедливому замечанию М. Кудимовой, представляя собой некий абсолют, «универсален и неразложим на элементы» [Кудимова 2019: 13] и одновременно неотторжимо принадлежит всем и каждому.

Возможно, А. Григорьев использовал устойчивое, бытовавшее и ранее в XIX в. выражение. Но *наше всё* без определяемого X в НКРЯ до того, как он ввел его в речевой оборот, не зафиксировано.

Путь крылатых слов о «нашем всём»: потеря авторства и деперсонализация объекта именованя

Тезис А. Григорьева, вырванный из контекста его «Взгляда на русскую литературу после Пушкина», меж двух юбилеев (100-летие со дня рождения поэта в 1899 г. и 100-летие со дня смерти в 1937 г.) стал речевым шлягером.

Например, так можно было назвать театр: *Присутствовал в Мариинском театре на балете*

«Спящая красавица». Танцевала Трефилова. Балет был совершенно полон. В смутное время **наше всё** пустует, кроме балета (В. А. Теляковский, «Дневники Директора Императорских театров», 1905). В дальнейшем неперсонализированное употребление идиомы получило значительное распространение.

Было освоено *наше всё* и художественной литературой. В «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского Раскольникову пишет мать: *Милый мой Родя... Ты знаешь, как я люблю тебя; ты один у нас, у меня и у Дуни, ты наше всё, вся надежда, упование наше, а тот не готов это на себя принять: Ты наше упование, ты наше всё! О мамаша!.. Злоба накапливала в нем все сильнее и сильнее* (Ф. М. Достоевский, «Преступление и наказание», 1866). Может, поэтому идиому ошибочно приписывал Достоевскому Г. В. Иванов? Ему принадлежат слова: *Достоевский сказал: «Пушкин — наше всё». И нельзя было точнее и вернее определить взаимоотношения Пушкина и России до революции* (Г. В. Иванов, «Петербургские зимы (дополнения)», 1949–1952). На этот казус откликается современный поэт М. Бару: *Александр Сергеевич и есть наше всё, а Федор Михалыч наше не приведи Господи* (М. Б. Бару, «Навоз божьих коровок», журнал «Волга», 2012).

А Ю. Нагибин вообще «забыл» автора крылатых слов: *Кто-то из великих сказал, что Пушкин — наше всё, — писал он, настаивая на «нарицательности» имени гения. — Пушкин не имя, а слово, самое полное и звучное слово для обозначения русского гения. Поэтому можно сказать: пушкин Гоголь, пушкин Лермонтов, пушкин Достоевский, пушкин Мандельштам* (Ю. М. Нагибин, «Голгофа Мандельштама», 1986).

Со временем к «нашему всему» критики приписали других литераторов:

Ломоносова (Холмогоры — это Ломоносов (тоже наше всё) — В. О. Авченко, «Кристалл в прозрачной оправе», 2015);

Есенина (Пушкин — наше всё. Но абсолютно ясно, что наше всё и Есенин — «Русский репортер», 2015);

Клюева (из глубин нашего «внутреннего Поморья», «внутреннего Заволжья», «внутреннего

Севера», Клюев — «наше всё» — «Наш современник», 2004);

Бродского, претендующего на место первого поэта конца XX в. благодаря своему универсализму: он и лирик, и трагик, ироник и сатирик, бард, метафизик, аристократ, хулиган... как говорится, — «наше всё» (В. Лапенков, Arts rossica, журнал «Звезда», 2003);

Льва Толстого (Кроме имен, фамилий и некоторых поворотов сюжета с романом Толстого нет ничего общего. Как будто захотели итальянцы и французы «наше всё» превратить в ээээ... Джейн Остин или Маргарет Митчелл — форум «Обсуждение фильма “Война и Мир”», 2007–2011);

Пелевина, который разом и попса коммерческая, и гуру духовности, наше всё, короче, в одном флаконе (В. Баранов, «От мертвого осла уши», интернет-альманах «Лебедь», 2003);

Вампилова, чей театр — бытовой-надбытовой, реалистический-метафорический (Вампилов, конечно же, наше всё — «Театральная жизнь», 2004).

Но не только поэтов, прозаиков и драматургов приводят в XX в. к «пушкинскому знаменателю», превращая, как и предсказывал Ю. Нагибин, «наше всё» в знак гениальности. Так, «титула» удостоиваются и «великие люди» — врач (*В отечественной терапевтической науке С. П. Боткин <...> такое же наше «всё», как Пушкин в литературе — «Наука и жизнь», 2008); актеры, например Ю. Никулин (Но если мы вспомним его клоунскую маску, так ведь и она была не такой уж гиперболической: долговязая фигура, короткие брюки, пиджак не по росту и фольклорная простота во взгляде. Вот, собственно, и все. Это наше всё. И это всё — наше — «Известия», 2001) или С. Юрский через его роль (Дядя Митя в исполнении Юрского — это наше всё! — форум «Любовь и голуби», 2007–2011), музыканты — Битлз и Дилан, спортсмены (По мнению россиянина, наше всё — это футболист Андрей Аршавин... — «Русский репортер», 2012); политические лидеры (О В. И. Ленине не говорю — он — наше всё, в том числе и в военном деле — С. Есин, «Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году», 2008), гениальные полководцы, не только русские (Как у нас «Пушкин — это*

наше всё!», так и у монголов «*Чингисхан — их всё!*» — «Наука и жизнь», 2008).

Но если говорить о персоналиях, чаще все же под «нашим всем» подразумевается Пушкин.

Образ Пушкина и смыслопорождающие черты «нашего всего»

Идиома *наше всё* настолько тесно связана с Пушкиным (и это отражает ее лексикографическая фиксация с толкованием «с легкой руки критика А. Григорьева Пушкина теперь называют *наше всё*» [Баранов и др. 2018: 421] или в полном варианте «Пушкин — *наше всё*» [Серов 2003: 550]), что референция к нему устанавливается однозначно, даже если поэт присутствует в тексте иносказательно — через факт биографии, как у Т. Кибирова, иронизирующего: *Эфир струит поток цитат, / Ведущий чушь несет, / Поскольку двести лет назад / Родилось наше всё* (на полях “A Shropshire lad”, 2007). Или в «травелог» М. Бару, где *по дороге из Москвы в Петербург через Торжок под небом, на котором вышиты тридцать три богатыря, Черномор, царевна Лебедь, Шемаханская царица и Золотой Петушок, скачут три серебряные лошади, запряженные в три золотые кареты с тремя золотыми ямщиками на золотых облучках, а в самой средней из них сидит наше всё и сочиняет, сочиняет...* («Замок с музыкой», журнал «Волга», 2013). Иносказательно апеллирует к Пушкину и В. Володин: *Спасибо за Ваши бесценные подсказки из ниоткуда, неутратное, нераспыльное Наше Всё* («Повесть вРемennых лет», журнал «Волга», 2009).

Что же делает Пушкина «нашим всем»? Вспомним еще раз об А. Григорьеве, приведем его рассуждение полностью [Григорьев 1990: 56–57]:

А Пушкин — наше всё: Пушкин — представитель всего нашего *душевного, особенного*, такого, что остается нашим *душевным, особенным* после всех столкновений с чужим, с другими мирами. Пушкин — пока единственный полный очерк нашей народной личности, самородок, принимавший в себя, при всевозможных столкновениях с другими особенностями и организмами, все то, что принять следует, отбрасывавший все, что отбросить

следует, полный и цельный, но еще не красками, а только контурами набросанный образ *народной нашей сущности*, образ, который мы долго еще будем оттенять красками. Сфера *душевных сочувствий* Пушкина не исключает ничего до него бывшего и ничего, что после него было и будет правильного и органически нашего. <...> В великой натуре Пушкина, ничего не исключающей: ни тревожно-романтического начала, ни юмора здраво-го рассудка, ни страстности, ни северной рефлексии, — в натуре, на все отозвавшейся, но отозвавшейся *в меру русской души* — заключается оправдание и примирение для всех наших теперешних, по-видимому, столь враждебно раздвоившихся сочувствий (курсив автора цитаты — О. С.).

А. Григорьев вкладывает в значение идиомы *наше всё* три основных смысла: ‘Россия’ (*Русь, какова она есть, какою она оказалась или оказывается после столкновений с другими жизнями, с другими народными организмами*), ‘русский народ’, ‘душевная особенность и «душевные сочувствия»’. Все они были отрефлексированы и акцентированы в контекстах последующих употреблений.

«*Наше всё*» значило, что величие Пушкина равно величию породившей его культуры, что *имена Пушкина и России почти синонимы*, — писал Г. Иванов, полагая, что СССР до Пушкина не дотягивал («Петербургские зимы (дополнения)», 1949–1952). «Наше всё», по словам филолога С. Небольсина, звучит *представительством живой России — и Россия действительно продолжает свою полноценную жизнь, внутри которой разворачивает по-прежнему, все заново и заново, свое существование Пушкин* («Русью пахнет», журнал «Наш современник», 2002).

Пушкин — НАШЕ ВСЁ, да не все. Хотя все мы — это как бы Пушкин и есть. Народ, — это уже актриса С. Васильева («Вернется ли ласточка?», два этюда о литературе и театре, журнал «Октябрь», 2003). Здесь можно видеть продолжение мысли А. Григорьева: народ в лице Пушкина имеет и типовую физиономию, и множество выделяющихся из круга — при каждом соприкосновении с «чужим своеобразием» — других, самобытных.

Подчеркивается то, что Пушкин не сводим к его типизированному образу: «*Пушкин — наше всё*» на уроке, а уж после урока *наше всё* — это

все, что Пушкин себе позволял, — пишет прозаик М. Вишневецкая («Вышел месяц из тумана», 1977); ей вторит поэт А. Шорохов: *Пушкин-то — это «наше всё»*. И тем важнее знать о нем правду («По луке казачьего седла...», журнал «Наш современник», 2003).

Что касается «душевных сочувствий», то, по мнению Т. Бек, *наше всё Пушкин — это отзвучивчивость на злобу дня* («Поэзия и гражданственность», журнал «Знамя», 2002). С ними отождествляются и поэтический *ворованный воздух* (не только Мандельштама, но и «самиздата», неподцензурной поэзии), и *свобода летучего вещества* поэзии как таковой.

Пушкин в литературе — это *пример обращения с «неудобными» словами, «широкий читатель» и «большой стиль»*, считал выдающийся критик Л. Аннинский («Десять лет, которые растрясли мир», журнал «Дружба народов», 1999). В «большом стиле» можно видеть перекличку опять же с «сочувствиями», упомянутыми А. Григорьевым, на этот раз с широкой палитрой «сочувствий» стилизованных.

Среди слов и выражений, соотносимых с *«нашим всем»* литература как таковая, а также *литературоцентричность общественной жизни и право на фигу в кармане* (Е. Сабуров, «Постлитературоцентричная общественная жизнь», журнал «Неприкосновенный запас», 2003). Кроме того, контекстными синонимами идиомы становятся *язык* (*Язык — наше всё! Пока у нации есть богатый, точно выражающий ее переживания, язык — она жива* — А. Волков, «Ликвидаторы», журнал «Звезда», 2001), *речь* (*Ведь речь — наше всё. Лишь в ней — свобода, и в ней — защита от бед* — В. Алейников, «Присутствие Катаева», журнал «Ковчег», 2013), *заповеди Розенталя* (*это «наше всё» в освоении практической грамотности и речевой культуры* — И. Прусс, «Сделайте мне красившее», журнал «Знание-сила», 2013).

Многие видят в «нашем всём» официального идола, будившего декабристов, а потом и Ленина, который тоже стал «всем», слышат в затасканной формуле пошлость: *глядись, они начнут выпускать йогурт «Пушкин» со слоганом «это наше всё про бифидобактерии»* (П. Образцов,

«Гоголь-моголь», «Известия», 2002). Ерничают, как З. Плавинская, показывающая, как от частого повторения теряется первоначальный (да и, в общем-то, всякий) смысл: *Пушкин — это наше всё, Пушкин — это не всё наше, Пушкин — это наше не всё, Пушкин — это всё не наше* («Отражение», 2003), ср.: *Таков и нехитрый способ мышления нашего философствующего пушкиниста: хрестоматийность слов «Пушкин — это наше всё!» А — вот и нет, «Пушкин — наше ничто!»* (М. Каган, «Письмо в редакцию», журнал «Звезда», 2000).

Или играют с «нашим всем» в слова, как М. Вишневецкая: *«Не дай мне Бог сойти с ума, уж лучше посох и сума...» С ума, сума, сумма...* («Вышел месяц из тумана», 1977).

Крылатая фраза «Пушкин — наше всё» часто, по свидетельству других исследователей, подвергается в Рунете преобразованиям: *Пушкин — наше всё? Пушкин — наше кто? Пушкин — наше что?* [Абрамова, Архангельская 2023: 102].

Может, потому что *игра* — это *наше всё*? Кстати, одно из самых частотных слов в словаре Пушкина — *забава*.

Что еще, кроме Пушкина, «наше всё»?

Репертуар «нашего всего», как показывает НКРЯ, сегодня довольно велик.

Во-первых, это история страны: *Прошлое, не только наше, всё наше, — причина нашего настоящего и повод для нашего будущего* («Театральная жизнь», 2004). В истории ожидаемо особо выделяется как «наше всё» *Великая Отечественная*.

Во-вторых, способ общественного управления: *выборная демократия*. «*Нашим всем*» именуется *правительство*. Этой номинации удостоиваются отдельные политические деятели — *Ленин, Хрущёв, Путин*; в ироническом ключе упоминается в одном из контекстов *почти наше всё* — *Борис Грызлов*.

В-третьих, «наше всё» — это присущие интеллигенции *русский психологизм; привычка «загоняться»; горячее ожидание конца истории, подменившее собой религию самоустроения и самоочищения*. Молодое поколение делает ставку на положительное общественное мнение о себе: *Хорошая репутация — наше всё!* (форум «Универ (институт) VS школа. Плюсы и минусы», 2011).

В-четвертых, это предметы и явления, связанные с интеллектуальным трудом: *письменный стол в кабинете — наш трон, наша галера; сети и поиск*.

В-пятых, это то, что составляет предмет гордости страны, например *космос (По инерции чиновники всех рангов рассказывают, что покорение космоса — это наше всё — «Космос как идея», «Русский репортер», 2007); основу ее экономики — нефть, торговля, транспорт*. Вместе с тем те же сущности могут противопоставляться нашему всему, как в анекдоте: *Сын учителя литературы спрашивает у своей матери: — Мама, Пушкин — наше всё? — К сожалению, да, сыночек. — Почему «к сожалению», мама? — Потому, что всё остальное: газ, нефть, металл, лес и земля давно не наше* (цит. по: [Абрамова, Архангельская 2023: 102]).

Бывают и неожиданные ассоциации с «нашим всем», например: *Правый руль — наше всё. Он лучше, чем левый* (В. О. Авченко, «Глобус Владивостока», 2012); *Как и Пушкин, ЖКХ — это наше всё* («Воронежские вести», 2003); *Ночных кормлений почти не осталось, утреннее — это наше всё — держалось дольше всех* (форум «Длительное ГВ с мирным концом», 2008–2009); *Проголодь — наша скромная идеология, наша величественная национальная идея, которую нашли мы давным-давно и вряд ли когда потеряем — это наше всё, это, можно сказать, наш бытовой Пушкин, повсеместно разлитый, а также разбросанный под видом картофельной ботвы и ее же — картошки всесущей — очистков* (В. Володин, «Повесть вРеменных лет», журнал «Волга», 2009).

Трансформация обсуждаемой идиомы за счет замены первой ее части (*децентрализация — наше всё; методика — наше всё; покупатель — наше всё* и т. п.) — излюбленный прием современной публицистики и журналистики, используемый в создании броских заголовков:

СЛОН — ЭТО НАШЕ ВСЁ! Окошко нашей гостиницы глядело в колодец безлюдного двора, но вдруг в щели между стенками домов проплыл хобот, потом огромное серое ухо, внушительная нога, затем туловище, похожее на аэростат, опять нога и хвост. Из чего мы сделали вывод, что

по городу, прямо по проезжей части дороги шагает слон! (М. Москвина, «Небесные тихоходы: путешествие в Индию», 2003);

Карикатура — это *наше всё*. В Музее современной истории России (бывший Музей Революции) открылась выставка отечественной карикатуры («Вечерняя Москва», 2002);

РЫБА — НАШЕ ВСЁ. Рыбохозяйственная отрасль традиционно является *определяющей* для экономики Приморья («Владивосток», 2003).

В первых двух примерах *наше всё* не несет никакой смысловой нагрузки (разве что привносит долю пафоса и эмоциональности), это журналистский штамп. В третьем же идиома находит смысловое соответствие в тексте новости: важность «нашего всего» подтверждается указанием на его *определяющую роль*.

Во всех подобных словоупотреблениях *наше всё* имеет смысл 'нечто актуальное или важное, без чего никак не обойтись'.

Встречаются и тонкие аллюзии к «нашему всему» в его речевых трансформациях с начала XX в.: *Вот носильщики, вот крепкий высокий жандарм с золотой медалью за верность. Всё — наше, всё — Родина. Посмотрим, что дала мне Европа, что я сумел от нее взять, что понял, что полюбил в ней, посмотрим...* (М. В. Нестеров, «О пережитом», 1926–1928); *Всё было не «наше», всё было чужое и страшное* (П. Н. Краснов, «Подвиг», 1932); трансформация при этом может отсылать и к Пушкину: *Всё наше, всё Аннибалово! Отцовское, Петрово — прощай* (Ю. Н. Тынянов, «Пушкин», 1935–1943).

Итоги

Анализ контекстов, включающих идиому *наше всё* или ее трансформации, позволяет выявить ее значения.

Исторически с идиомой ассоциируются смыслы 'Пушкин — выразитель национального самосознания' и просто 'Пушкин'. В контекстах соответствующие словоупотребления отражают три отмеченные Т. Г. Шеметовой тенденции обращения к образу национального гения: «создание независимого авторского образа Пушкина; создание

антимифа (фиксация на одной из сторон пушкинского мифа); создание концепта (абстрагирование слова “Пушкин” от личности и творчества поэта)» [Шеметова 2009: 55].

При этом следует учесть, что в современном сленге оним *Пушкин* имеет значения ‘неопределенное или неизвестное лицо’ [Елистратов 2010: 514] или ‘неизвестно кто; бог его знает кто’ [Химик 2004: 339]. Они и проецируются на *наше всё*, оставляя валентность имени собственного вакантной.

Благодаря тому что имя *Пушкин* превратилось в знак гениальности, у идиомы появляются смыслы ‘высшая оценка чьей-то деятельности в конкретной области’ и ‘выдающийся талант’.

В «Викисловарь» вошло еще одно стилистически маркированное контекстное значение идиомы *наше всё* ‘разг., часто ирон. что-либо важное, значительное, существенное для говорящего’. И именно это значение чаще всего встречается в текстовых реализациях.

Кроме того, осмысление идиомы мотивируется устойчивыми сочетаниями *наше* (*наш, наша*) *всё* (*весь, вся*), исторически употреблявшимися в функции определения и характеризовавшими предмет речи с точки зрения исчерпывающей полноты и одновременно неотторжимой принадлежности говорящему.

Многозначность выражения *наше всё*, производного от афоризма А. Григорьева, отражает то, что за ним стоит семантический потенциал, как за Пушкиным, по словам А. Битова, огромный потенциал России. А Пушкин потому и «наше всё», считает он, что сразу, «как бы впрок для всего человечества».

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Григорьев 1990 — Григорьев А. *Сочинения*. В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990. 509 с.

Елистратов 2010 — Елистратов В. С. *Толковый словарь русского сленга*. М.: АСТ-Пресс Книга, 2010. 668 с.

НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.06.2024).

Серов 2003 — Серов В. В. *Крылатые слова: энциклопедия*. М.: Локид-Пресс, 2003. 830 с.

Химик 2004 — Химик В. В. *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. СПб.: Норинт, 2004. 762 с.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова, Архангельская 2023 — Абрамова В. И., Архангельская Ю. В. Значение Пушкина для русской культуры: мифологема и ее репрезентации в фольклоре Рунета. *Art Logos (искусство слова)*. 2023, (4): 93–107. https://doi.org/10.35231/25419803_2023_4_93

Баранов и др. 2018 — Баранов А. Н., Вознесенская М. М., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. *Тезаурус русских идиом: семантические группы и контексты*. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. (ред.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Лексрус, 2018. 888 с.

Виролайнен 1994 — Виролайнен М. Н. Культурный герой Нового времени. В сб.: *Легенды и мифы о Пушкине*. Виролайнен М. Н. (ред.). СПб.: Ин-т рус. литературы РАН (Пушкинский дом), 1994. С. 329–341.

Загидуллина 2001 — Загидуллина М. В. *Пушкинский миф в конце XX века*. Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2001. 243 с.

Кудимова 2019 — Кудимова М. Наше всё и всё наше. *На родное образование*. 2019, (3): 13–19.

Строганов 2007 — Строганов М. В. «Наше всё»: причины и предпосылки формирования мифа о Пушкине. В сб.: *Искусство поэтики — искусство поэзии: к 70-летию И. В. Фоменко*. Тверь, 2007. С. 418–428.

Шеметова 2009 — Шеметова Т. Г. Три тенденции в современной литературной пушкиномании. *Вестник Московского университета: Сер. 9. Филология*. 2009, (4): 55–66.

Шеметова 2010 — Шеметова Т. Г. Пушкинский миф: функционирование в современной литературе. *Вестник Брянского государственного университета*. 2010, (10): 201–207.

Gasparov, Hughes, Paperno 1992 — Gasparov B., Hughes R. P., Paperno I. *Cultural Mythologies of Russian Modernism: From the Golden Age to the Silver Age*. Berkeley: University of California Press, 1992. 494 p.

REFERENCES

Абрамова, Архангельская 2023 — Abramova V. I., Arkhangel'skaya Yu. V. The Importance of Pushkin for Russian Culture: Mythologeme and Its Representations in RuNet Folklore. *Art Logos*. 2023 (4): 93–107. https://doi.org/10.35231/25419803_2023_4_93 (In Russian)

Баранов и др. 2018 — Baranov A. N., Voznesenskaya M. M., Dobrovolsky D. O., Kiseleva K. L., Kozerenko A. D. *Thesaurus of Russian idioms: Semantic groups and contexts*. Baranov A. N., Dobrovolsky D. O. (eds). 2nd ed., rev. and add. Moscow: Lexrus Publ., 2018. 888 p. (In Russian)

Виролайнен 1994 — Virolainen M. N. Cultural Hero of the New Time. In: *Legendy i mify o Pushkine*. Virolainen M. N. (ed.). St. Petersburg: Institut russkoi literatury Rossiiskoi akademii nauk (Pushkinskii dom) Publ., 1994. P. 329–341. (In Russian)

Загидуллина 2001 — Zagidullina M. V. *Pushkin myth at the end of the twentieth century*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Publ., 2001. 243 p. (In Russian)

Кудимова 2019 — Kudimova M. Our everything and everything is ours. In: *Narodnoe obrazovanie*. 2019, (3): 13–19. (In Russian)

Строганов 2007 — Stroganov M. V. “Our everything”: Causes and prerequisites for the formation of the myth about Pushkin. In: *Iskusstvo poetiki — iskusstvo poezii: K 70-letiyu I. V. Fomenko*. Tver’, Tver’ State University Publ., 2007. P. 418–428. (In Russian)

Шеметова 2009 — Shemetova T. G. Three tendencies in modern literary Pushkinomania. *Vestnik Moskovskogo universiteta: Seriya 9. Filologiya*. 2009, (4): 55–66. (In Russian)

Шеметова 2010 — Shemetova T. G. Pushkin myth: Functioning in modern literature. *Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010, (10): 201–207. (In Russian)

Gasparov, Hughes, Paperno 1992 — Gasparov B., Hughes R. P., Paperno I. *Cultural Mythologies of Russian Modernism: From the Golden Age to the Silver Age*. Berkeley: University of California Press, 1992. 494 с.